

а вмѣсто дьякописсъ—всѣхъ дочерей, то получимъ сравненіе чуждое сословиости, т. е. истинно каволическое. Если же подъ отцами разумѣть всѣхъ умершихъ, то діаконство (т. е. служеніе сыновнее и дочернее) получить определенное значеніе, значеніе воскрешенія.—Въ ученіи о Троицѣ заключается путь для совокупнаго дѣйствія человѣческаго рода, законъ всемірной исторіи не въ смыслѣ знанія, а въ смыслѣ указанія пути. Въ ученіи о внутренней жизни Тріединаго Существа заключается откровеніе *объ обществѣ дѣла въсобщаго воскрешенія*, открывается истинный путь или ходъ дѣла всеобщаго воскрешенія. Наше слово есть знаніе объ отцахъ-предкахъ и о природѣ, какъ средствѣ возвращенія жизни. И это слово есть нашъ сынъ, какъ совокупность всѣхъ сыновъ, если образованіе *всеобщее* и участіе въ знаніи (въ знаніи исторіи и природы) обязательно для всѣхъ безъ исключенія, И это слово не останется лишь представленіемъ, поминовеніемъ отцовъ-предковъ, не останется художественнымъ лишь изображеніемъ, когда знаніе природы обратитъ смертоносную силу въ живоносную, ибо тогда поколѣніе, совершившее такое обращеніе, будетъ имѣть своимъ сыномъ безсмертныхъ отцовъ, а не смертныхъ сыновъ.

Божественное Существо, которое само въ себя показало совершеннѣйшій образецъ общества, которое есть единство самостоятельныхъ безсмертныхъ личностей, во всей полнотѣ чувствующихъ и сознающихъ свое неразрываемое смертью, исключаящее смерть, единство,—такова христіанская идея о Богѣ; т. е. это значитъ, что въ Божественномъ Существоѣ открывается то самое, что нужно человѣческому роду, чтобы онъ сталъ безсмертнымъ. Троица, это—церковь безсмертныхъ, и подобіемъ ей со стороны человѣка можетъ быть лишь церковь воскрешенныхъ. Въ Троицѣ нѣтъ причинъ смерти и заключаются всѣ условія безсмертія.—И не представляетъ-ли она (эта идея, точнѣе—планъ) самый законъ любви, т. е. сущность христіанства?! Въ единствѣ, въ обществѣ безсмертныхъ личностей, вѣрность ихъ другъ другу, отеческая и сыновья любовь не имѣютъ границъ въ смерти, какъ это у насъ, въ обществѣ смертныхъ. Или вѣрнѣе, понятнѣе сказать,—потому и нѣтъ у нихъ смерти, что вѣрность и взаимная любовь ихъ безграничны; у насъ же только воскрешеніе, отрицающее границу, полагаемую нашей вѣрности смертью, уподобляетъ насъ Тріединому.*)

Ученіемъ о Тріединомъ Существоѣ отрицается,—съ одной стороны,—вражда и господство (военное и юридическое), *вообще—непріязнь*; а съ другой стороны—отрицается и любовь чувственная, и какъ проявленіе слѣпой силы и подчиненіе ей существъ разумныхъ и чувствующихъ, отрицается вообще—*безсознательное и невольное*, ибо въ подчиненіи слѣпой силѣ заключается причина и вражды и порабощенія. Въ Тріединому существѣ нѣтъ ничего безсознательнаго, невольнаго, ибо въ немъ все вѣдѣніе и могущество. Мужское и женское служатъ проявленіемъ слѣпой силы и производятъ искусственную промышленность; промышленность порождаетъ рознь, вражду, вражда приводитъ къ порабощенію. Сыновнее же и дочернее не только не служатъ проявленіемъ слѣпой силы, но и требуетъ регуляціи, управленія

*) Философія Общаго дѣла стр. 70 и слѣдующія.